

Глава 6. Пробраться в постель

Слухи во дворце распространялись с поразительной скоростью, и вскоре Цянь Яо уже был в курсе, что сановники при дворе неустанно предлагали императору избрать императрицу и пополнить гарем наложницами.

Однако Его Величество раз за разом отклонял эти предложения, ссылаясь на беспокойную обстановку на границах и отсутствие у него подобных намерений в данный момент.

Дворцовые слуги, слыша это, превозносили государя, восхищаясь его преданностью Поднебесной и стратегическим гением.

Но лишь Цянь Яо чувствовал, что всё не так просто. Вероятно, его догадки, возникшие в тот самый день, были ближе к истине. Какой нормальный мужчина, тем более император, владыка мира, откажется от брака?

«Должно быть, у него имеются проблемы физиологического или психологического толка».

Юноша пока не мог определить, не нравятся ли императору женщины или же он попросту бессилён, но одно было очевидно: на границах и впрямь было беспокойно.

Он пробыл в этом мире уже достаточно времени, чтобы перестать быть слепым котёнком, и постепенно начал разбираться в устройстве нынешней эпохи.

Династия, в которой он оказался, называлась Южная Янь. Название это было обусловлено не только географическим положением, но и существованием на севере государства Шо, прозванного за своё расположение в северных землях Северной Шо.

Северная Шо и Южная Янь были давними противниками. Хотя земли северян были бедны, а население малочисленно, их народ отличался свирепым нравом и воинственностью. Южная Янь, напротив, обладала обширными территориями и богатыми ресурсами, но её армия была слабее. В последние годы, впрочем, страна осознала эту проблему и начала активно укреплять оборону, поощряя военное дело. Со времён покойного императора появилось несколько прославленных полководцев, и самым знаменитым из них был его второй сын — нынешний государь.

Говорили, что в шестнадцать лет он поступил на военную службу, а уже в восемнадцать во главе отборного отряда совершил рейд вглубь земель Северной Шо и отвоевал десять городов. После этого враг долгие годы не осмеливался нападать, что подарило приграничью несколько лет мира.

Помимо этих двух государств, на самом западе лежали Западные пределы. Этот таинственный край, известный своими ядовитыми насекомыми и колдовством, вёл затворнический образ

жизни и не поддерживал связей с соседями, потому и не привлекал особого внимания.

Так что всё внимание Южной Яни было сосредоточено на Северной Шо.

И Северная Шо отвечала ей тем же.

Недавнее восхождение на престол нового императора и смена власти создали благодатную почву для смуты. Как и следовало ожидать, северное государство не заставило себя ждать и начало действовать, то и дело посылая на границу разведывательные отряды, готовые в любой момент перейти в наступление.

Из-за этого император стал чаще созывать утренние приёмы и встречаться с министрами.

Хотя Цянь Яо всё это не слишком интересовало, он, находясь неотлучно при государе, волей-неволей узнавал многие новости.

Например, донесения с границы доставлялись гонцами ежедневно, но Его Величество хранил молчание и не отдавал никаких распоряжений. Это стало главной темой для разговоров, и куда бы юноша ни пошёл, он повсюду слышал пересуды.

Хотя с ним никто не сближался, он жил в этой среде и не мог не слышать сплетен.

Говорили, будто Его Величество медлит с отправкой войск, потому что взошёл на трон незаконно и не владеет полной тигриной биркой.

Другие шептались, что из-за былых событий он всё ещё питает чувства к наследному принцу Северной Шо.

А некоторые, самые прямолинейные, и вовсе утверждали, что император растерял былую отвагу и теперь боится северян.

Цянь Яо слушал все эти слухи и не переставал изумляться.

«Как они смеют говорить такое в императорском дворце? Неужели им жизнь не дорога? Мне даже слушать страшно».

И действительно, после того как тридцати трём евнухам и служанкам публично вырезали языки, весь дворец мгновенно затих.

Цянь Яо ещё в день своего прибытия стал свидетелем жестокости императора и даже не осмелился пойти посмотреть на казнь. А вот Сяо Суйцзы, к несчастью, пошёл. Пережитый ужас

оставил в его душе глубокий след. Прибежав к товарищу, он не переставая прикрывал рот рукой, словно боясь, что и его язык в любой момент может исчезнуть.

— Хорошо, что ты не пошёл. Это было так страшно... Кровавые дыры... Повсюду кровавые дыры...

Даже от одних этих слов у Цянь Яо по спине пробежал холод.

— Зачем ты вообще пошёл туда смотреть? — спросил он. — Тебе не было страшно?

— Я не специально, просто проходил мимо и глянул одним глазком, — ответил Сяо Суйцзы, закрывая лицо руками. — Кажется, сегодня я не смогу уснуть.

Юноша похлопал его по спине.

— Не думай об этом.

Сяо Суйцзы вдруг посмотрел на него с восхищением.

— А Яо, говорят, то, что творилось тогда во дворце Цяньмин, было в сто раз кровавее. Как ты только выдержал?

— Кто сказал, что я выдержал? — тут же возразил Цянь Яо. — Я чуть не умер от страха.

Эти слова заставили его вспомнить первые мгновения в этом мире, и ему стало не по себе.

Сяо Суйцзы, заметив это, поспешно сменил тему.

— Кстати, ты знаешь, как обо обо всём этом стало известно?

— Нет, — покачал головой Цянь Яо.

— Отдел Холодного Клинка, — прошептал Сяо Суйцзы.

«Отдел Холодного Клинка?»

Цянь Яо уже во второй раз слышал это название.

— Да. Это личная гвардия Его Величества, они подчиняются только ему одному. Все её члены

— прошедшие жесточайший отбор ассасины-смертники. Никто не знает, сколько их, известно лишь, что они разбросаны по всей стране, у них повсюду информаторы, и они собирают для императора сведения.

От этих слов у юноши по спине пробежал холодок. Если Сяо Суйцзы прав, то, возможно, прямо сейчас из какого-нибудь тёмного угла за ними наблюдают невидимые глаза.

Он больше не осмелился произнести ни слова и строго-настрого наказал Сяо Суйцзы впредь быть предельно осторожным в речах.

Раньше Цянь Яо был очень разговорчив, но с тех пор, как попал сюда, кроме Сяо Суйцзы, с ним никто не общался. Ему не с кем было даже перекинуться словом, и со временем он привык разговаривать сам с собой.

Но теперь, после рассказа о тайной службе, он перестал даже бормотать себе под нос.

Когда ему хотелось поговорить, он делал это мысленно. Такой способ был безопасен, но невыносимо тосклив, и вскоре он почувствовал, что сходит с ума.

Что за жизнь! Он хотел домой, не желая оставаться здесь ни дня.

Чтобы не сойти с ума окончательно, юноша начал искать себе развлечения.

Он решил применить свои профессиональные навыки студента-филолога и принялся сочинять в уме хуабэнь. В конце концов, этот мир был для него неиссякаемым источником материала.

Однако, едва придумав завязку, он зашёл в тупик.

Главными героями сетевых романов обычно становились властный феодальный правитель и попаданка, но...

Цянь Яо поднял глаза на императора, который стоял поодаль у императорского стола и упражнялся в каллиграфии.

Он не мог себе представить, что за человек способен тронуть сердце такого, как Ци Ань.

«Может ли подобный человек вообще кого-то полюбить?»

«А если и да, то каким будет его избранник?»

Погрузившись в свои мысли, юноша не заметил, как император прекратил писать и взглянул

на него.

Затем Ци Ань закрыл глаза и потёр виски. Знакомая, острая, как укол иглы, боль пронзила голову.

И тогда он услышал мысли маленького евнуха.

«Каким же должен быть возлюбленный Его Величества...»

«Не могу представить».

«На кого он похож, тот, кого он полюбит?»

«И ведь даже нет ни одной наложницы для примера».

Ци Ань закрыл глаза, молча пережидая, пока боль в голове утихнет.

Когда он снова их открыл, то увидел, что капля туши с кончика кисти упала на бумагу, испортив только что написанный иероглиф.

Этот каллиграфический лист получился у него особенно удачно, и он уже собирался отдать его в мастерскую, чтобы натянуть на шёлк. Но теперь в самом центре красовалось чернильное пятно, словно укор за его минутную невнимательность.

Мучительная боль отступила, но её отголоски всё ещё ощущались. Император потерял всякое желание продолжать и отложил кисть.

— Чаю, — произнёс он.

Услышав его голос, витавший в облаках евнух наконец очнулся и поспешно поднёс поднос с чашей.

Хотя Ци Ань и приказал никого не учить его дворцовому этикету, за последние дни тот, похоже, тайком многому научился. Движения его были выверенными и точными.

Не так уж и глуп.

Государь взял чашу и отпил. Температура была идеальной.

И всё же он намеренно слегка нахмурился.

Как и ожидалось, в следующее мгновение маленький евнух рухнул на колени.

В этом не было ничего необычного — так поступил бы любой другой слуга во дворце.

Но в отличие от остальных, он не умел вести себя смиренно.

Стоя на коленях, он украдкой бросал на императора быстрые взгляды, наивно полагая, что этого никто не замечает.

Он был первым рабом, осмелившимся так прямо смотреть в лицо Сыну Неба.

Однако Ци Ань не злился. Напротив, ему нравилось его дразнить.

Всё вокруг было таким невыносимо скучным, а эта находка оказалась на редкость забавной.

Поначалу государь лишь счёл его подозрительным и решил оставить при себе, чтобы понаблюдать. Он даже специально приказал не обучать его правилам, надеясь, что тот скорее себя выдаст.

Но этот евнух и не пытался ничего скрывать. Он был ходячим недоразумением.

Он не походил ни на придворного, ни на шпиона — ни один лазутчик не вёл бы себя так неуклюже.

Но именно эта избыточная очевидность его промахов и делала его совершенно непостижимым.

Как... интересно.

Раньше Ци Ань и представить не мог, что заинтересуется каким-то евнухом. Поэтому он находил удовольствие в том, чтобы невзначай подшучивать над ним.

То не примет из его рук чашу, то вдруг прикажет себя раздеть, наблюдая за его суетливыми и беспомощными попытками, то бросит двусмысленную фразу.

В ту ночь, когда император сказал, что он стал скучным, евнух, похоже, не на шутку перепугался и вжал голову в плечи.

Ци Ань намеренно ничего не ответил.

Он думал, что тот проведёт всю ночь в страхе, но, проснувшись на следующее утро, обнаружил,

что Цянь Яо спит прямо на полу, свернувшись калачиком.

Ци Ань сидел на краю драконьего ложа и смотрел на его безмятежное лицо. Внезапно он улыбнулся.

Он был рад, что в тот день во дворце Цяньмин не убил его одним ударом меча. Иначе лишил бы себя такого развлечения.

С тех пор маленький евнух почти неотлучно находился рядом с ним. Правда, был вечно рассеян и витал в облаках.

Это забавляло Ци Аня ещё больше. Все, кто служил при нём, были напряжены до предела. И только он один мыслями был где-то далеко.

Наблюдая, как тот в очередной раз ушёл в себя, император вдруг ощутил желание подслушать его мысли. Но тут же отбросил эту идею.

За эти годы он наслушался слишком много грязных, омерзительных помыслов. У каждого в этом мире лишь благопристойная оболочка, под которой скрывается душа, на которую невозможно смотреть без отвращения.

К тому же, он ненавидел пронзительную боль, сопровождавшую чтение мыслей.

Да и к тому же, каким бы забавным он ни был, он всего лишь евнух. Зачем императору интересоваться мыслями евнуха?

Ци Ань долго сдерживал своё любопытство, пока в один из дней, когда он кормил птиц, снова не почувствовал на себе тот самый взгляд.

Взгляд был долгим, таким долгим, что государь даже подумал, уж не замышляет ли тот какой-то великий план.

В тот момент любопытство наконец взяло верх. Он закрыл глаза и услышал голос маленького евнуха.

«Интересно, Его Величеству нравятся мужчины?»

«Ладно, неважно. Даже если и нравятся, что с того? Если он и вправду обратит на меня своё внимание, я умру ещё быстрее».

«Но с другой стороны, у императоров ведь всегда три дворца и шесть гаремов? А у Его

Величества с момента восшествия на престол гарем пуст, ни единой души. Неужели он и вправду предпочитает мужчин?»

«Кажется, я раскрыл страшную тайну».

Ци Ань: «...»

Надо было догадаться. Какой у него мог быть великий план.

Оказывается, он хотел пробраться к нему в постель. Императору стало смешно. Евнух — и хочет взобраться на его ложе.

Какая... самонадеянность.

Однако Ци Ань стало ещё любопытнее. Как же этот человек, дрожащий при виде него, собирается покорять драконье ложе? Будет трястись и умолять о милости?

При одной мысли об этом зрелище мрак, сгустившийся в его душе в последние дни, немного рассеялся.

Но маленький евнух не предпринимал никаких действий. По-прежнему витал в облаках, прислуживая ему.

В этот день, закончив писать, Ци Ань снова увидел, что тот замечтался. Не удержавшись, он, преодолевая боль, снова прислушался к его мыслям.

И услышал, как тот задаётся вопросами.

«Каким же должен быть возлюбленный Его Величества...»

«Не могу представить».

«На кого он похож, тот, кого он полюбит?»

«И ведь даже нет ни одной наложницы для примера».

Точно, всё ещё мечтает обо мне.

Ци Ань усмехнулся. Выслушав, он потёр виски и с удивлением отметил, что в этот раз боль была не такой сильной, как обычно.

Снова открыв глаза, он увидел, что только что написанный лист уже испорчен каплей туши. Но император был в хорошем настроении и не обратил на это внимания.

Он лишь обратился к витающему в облаках евнуху:

— Чаю.

Тот немедленно поднёс чашу.

Ци Ань медленно отпил и слегка нахмурился. В следующую секунду евнух рухнул на колени.

Стоя на коленях, он украдкой бросал на императора быстрые взгляды, наивно полагая, что этого никто не замечает. Но стоило государю опустить голову, как тот тут же отводил взгляд.

— Подними голову, — приказал Ци Ань.

Услышав его голос, тонкое тело евнуха, облачённое в красную форму, тут же вздрогнуло.

Почему-то император подумал, что эта одежда идёт ему меньше, чем прежняя, зелёная. Зелёный цвет ему к лицу.

— Инициативных, — сказал наконец Ци Ань, ставя чашу на стол.

— Что? — Евнух явно не понял.

И тогда государь терпеливо повторил:

— Я предпочитаю инициативных.

<http://bllate.org/book/15347/1412916>